

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

СКАЖИ МНЕ НЕТ

МАРИЯ ЛЕТОВА

МАРИЯ МАНИЧ

Долго и счастливо

Мария Летова

Скажи мне «нет»

«Автор»

2021

Летова М.

Скажи мне «нет» / М. Летова — «Автор», 2021 — (Долго и счастливо)

Станислав Орлов - двадцатичетырехлетний бабник, не знакомый со словом “нет”. Руководитель подразделения в крупной столичной ИТ-компании. Аля не так давно перебралась в Москву. В её жизни всё не так просто, как может показаться на первый взгляд, и Орлову об этом известно. Брать на себя чужие проблемы не в его привычках, но с тех пор, как она появилась в его команде, жизненные ценности парня стремительно меняются. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	26
Глава 9	28
Глава 10	30
Глава 11	33
Глава 12	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Мария Летова, Мария Манич

Скажи мне "нет"

Глава 1

Лера клуб Навигатор Новый год: *«Ненавижу тебя, Орлов!!!! Имя моё забудь и номер!!! Козлина!!!!»*

Почесав переносицу, сворачиваю мессенджер и кладу телефон экраном вниз. Содержание этого сообщения в корне меняет мои планы на вечер.

Подняв глаза, раздражённо стучу пальцем по чехлу. Скольжу взглядом по глубокому вырезу песочного цвета платья напротив.

В общей сложности я пялюсь уже пятнадцать минут, а его хозяйка ни разу не оторвалась от своего телефона. С большой вероятностью предположу, что она продолжает работать удалённо, и меня, как её руководителя, это должно радовать, но этого ни фига не происходит.

Отведя взгляд от сосредоточенного опущенного лица Алевтины, кисло осматриваю зал.

Все столы в баре «Барракуда» заняты, так как забуриться сюда пятничным вечером – старая-добрая местная традиция, обусловленная наличием прямо через дорогу двенадцатиэтажного бизнес-центра.

Народ прибывает безостановочно.

– Паста или суп? – морщит нос моя подруга Женя Немцева, отвлекая внимание на себя.

Дотошно изучает меню, чем самую малость раздражает. Она обедает здесь со мной практически ежедневно уже четыре месяца, и, без обид, за это время адекватный человек должен выучить его наизусть.

– Может, и то, и другое? – предлагаю свой вариант, снова заглядывая в «песочный» вырез.

Подумав секунду, интересуюсь:

– Алевтина, мы тебе не мешаем?

Оторвав от телефона нос, смотрит вопросительно.

– Нет, – отвечает, не моргая.

Смотрит на меня так, будто на секунду зависла. Неподвижно и, блин, как будто не дыша. Делаю то же самое. Смотрю, не переставая барабанить пальцами по смартфону. В основном на её изогнутый розовый рот, потому что сейчас она смотрит на мой.

Она смотрит на меня так с первой встречи.

Очнувшись, дёргает головой и моргает пару раз. Когда её телефон издаёт квакающий звук, снова ныряет в него.

Я тоже отворачиваюсь, сжав кулак.

Когда я брал на работу хорошую знакомую моей двоюродной тёти крестовой сестры отца по протекции своей матери, даже, блять, не догадывался, чем всё это для меня обернётся.

Вообще-то, сотрудник Алевтина неплохой, но у неё есть один охренительный недостаток: в последнее время я постоянно думаю о том, как бы случайно не заткнуть ей рот своим.

Алевтина рыжая, выдающая себя за блондинку. По крайней мере, именно так я интерпретирую цвет её волос. Ей двадцать четыре, как и мне. Я сам брал её на работу, потому что с недавних пор в моём подчинении целое подразделение программистов, разработчиков ПО (прим. автора – программное обеспечение).

Я видел её смехотворное резюме, с которым она никак не смогла бы попасть в мою команду, если бы не общие знакомые наших знакомых. У неё диплом бакалавра загибающегося пятисортного вуза нашего родного города, с которым она притащилась в Москву полгода назад, не имея никакого опыта работы. И да. Мы – земляки, а своим нужно помогать.

На самом деле она умная и исполнительная.

И очень старательная.

Меня немного прёт от её веснушек. Мелкие крапинки по всему, блин, лицу. Меня прёт, и не немного. Ещё они есть на её ключицах и плечах. Офигенное зрелище, которое я не сразу распробовал, а когда распробовал, немного поехал по этой теме.

Алевтина, твою мать.

Всё это типа неуместно, потому что я никогда не развожу бардак на рабочем месте. И я точно не планирую связываться с Алевтиной, даже если бы она не была моей подчинённой. Но моя мать слёзно просила за ней приглядывать, поэтому я приглядываю.

– Что будете заказывать? – приветливый голос официантки.

Откидываюсь на спинку дивана и поднимаю глаза.

– Свиные рёбрышки в соусе барбекю и бокал безалкогольного пива, – говорю и кивком головы приглашаю своих собеседниц ни в чём себе не отказывать.

– Паста с морепродуктами, суп том-ям, брускетта с крабом... – оглашает Женя, очевидно решив за мой счёт накормить заодно и своего мужика, который где-то в пути.

– Мне ничего, – говорит Алевтина, бросая телефон в сумку. – Я ухожу.

Смотрю на неё с прищуром.

Потому что сегодня на ней охренительно обтягивающее платье песочного цвета чуть ниже колен и шпильки в тон. С учетом того, что обычно она одета в объёмные шмотки, похожие на картофельные мешки, это перевоплощение серьёзно сбивает с толку. Поэтому торможу уже некоторое время, офигевая от бурных реакций своего тела на такие тривиальные, блять, вещи, как песочное платье и туфли в долбаный тон.

Мрачно наблюдаю за тем, как она встает, разглаживая его на бёдрах. Смотрю на неё, не таясь. Краснеет, отведя глаза.

– Хорошего вечера... – говорит, закидывая на плечо сумку.

Бросает на меня быстрый настороженный взгляд, но я перехватываю его, потому что всё ещё глазею. Она краснеет ещё больше. Поджав губу и нахмутив брови, уходит прочь, стуча шпильками по кафельному полу.

– И тебе! – радуется Женька ей вслед, потому что видит в проходе своего мужа.

Слежу за обёрнутой в песочное платье задницей до самого выхода. Слежу за тем, как двигаются обутые в сексуальные шпильки ноги. Оборачиваюсь к окну в ожидании, пока Алевтина появится там.

– Здорово, – протягивает руку Макс Немцев.

– Угу... – Пожимаю, наблюдая за тем, как она садится на пассажирское сиденье припаркованного у тротуара чёрного «ягуара».

Я знаю, что у неё есть мужик.

Уже месяца три. В последнее время вижу эту тачку у офиса постоянно.

Это не моё дело.

Отворачиваюсь, как только «ягуар» отчаливает.

Взяв со стола стакан воды, медленно глотаю, глядя в потолок. Ставлю его на место, почесывая зубы языком. Размяв шею, переворачиваю свой телефон и загружаю мессенджер. Подумавав пару секунд, быстро набираю:

Я: «Завтра совещание в 8.00. И не опаздывай. Ты на этой неделе два раза вовремя пришла.»

Глава 2

Совсем уже офигел...

Завтра суббота!

Я: *«Я завтра уезжаю!»* — набираю быстро, чувствуя, как на моё колено ложится уверенная сухая ладонь.

Я: *«До вторника»*, — плююсь сообщениями, почти не замечая того, как эта ладонь отодвигает край моего платья.

Я: *«Ты мне приказ сам подписал. Выходной за мой счет. На этой неделе я два раза уходила в девять вечера, ничего?»*

Блокирую телефон и смотрю в окно, пытаюсь сконцентрироваться на окружающей обстановке. Дорогое авто, кожаные сиденья, приятная туалетная вода мужчины за рулем. А ещё отличная погода и тёплый летний вечер.

— Аль, убери телефон, — говорит Марк, возвращая руку на руль.

— Это по работе, — оправдываюсь я, всё ещё пытаюсь прийти в себя и хотя бы улыбнуться.

Какого чёрта он так на меня смотрел? А я? Какого чёрта смотрела в ответ? Я давно запретила себе это делать! В затылке щекотало, пока садилась в машину. Перед глазами стоит великопепное заросшее щетиной лицо Орлова и его вцепившиеся в меня голубые глаза. Никак не могу его развидеть. Тем более когда он пишет мне в моё законное нерабочее время! А делает он это часто.

— Я не люблю, когда ты зависаешь в телефоне в моём присутствии, уже говорил, — врывается в мою голову немного раздражённый голос. — Сегодня дегустация вина в ресторане у Артура, едем туда.

Смотрю на него, зажимая смартфон между ладоней.

Я познакомилась с Марком в корпоративном спортзале. Четыре месяца назад. Он был очень настойчив. Очень. Я не ожидала внимания к себе со стороны такого мужчины. Он успешный. Очень. Взрослый, состоятельный, с серьёзными намерениями. И по-своему красивый. И нравится моей маме. Я была удивлена, когда он ответил на её звонок в моём телефоне. Настолько, что немного прифигела. Я не собиралась её посвящать. Она любит держать всё под контролем, после того как в семнадцать лет я... оступилась.

Мне кажется, что с Марком у нас всё развивается немного... ладно, не немного, а слишком быстро. Он незаметно просочился во все сферы моей жизни, я даже не поняла, когда это случилось.

Мой телефон снова вибрирует. Умираю от желания посмотреть, что там пишет этот самодур, но не двигаюсь с места. Чувствую себя школьницей, из-за того что не могу провалиться в собственную переписку. Решаю сделать это в туалете ресторана.

— Мне на поезд утром, — напоминаю вместо этого, посмотрев на Марка.

Ему тридцать шесть. Тёмные волосы зачёсаны назад, лицо гладко выбрито. Дорогуший пиджак сидит как влитой. Потому что у него спортивное тело, и вообще... он весь в отличной форме. Конечно, не в такой отличной, как Орлов, чтоб он провалился. Моя мама говорила, что Славик в юности занимался греко-римской борьбой. С его габаритами только и швырять мужиков по коврику. Я его до своего провального собеседования-знакомства ни разу в глаза не видела. Он взял меня на работу, потому что его *попросили*. И он напоминает мне об этом каждый раз, когда ему нужны «мои интеллектуальные способности» в личных целях. Например, за просто так разработать дизайн мобильного приложения для его друга. Я работала над ним месяц! И не послала Орлова куда подальше только потому, что очень ему благодарна. Когда я пришла в его команду, была слепым и глухим котёнком. Он тоже это понимал, но ни разу не наорал.

Вообще-то... он отличный руководитель. У него всё работает как часы. И каждый из семи человек на своём месте. Я, например, всегда оказываюсь около него, когда возникает возможность получить полезную информацию и заглянуть за шиворот этой махине – нашей ИТ-компании.

Плюс ко всему, Макс всё-таки заплатил мне деньги, когда у него появились ресурсы, а я... я набралась опыта.

Хочу прогнать Орлова из своей головы прямо сейчас, потому что, когда он туда пробирается, это надолго!

Встряхиваю волосами и кусаю губы. Лезу в сумку, ища пудреницу. Открываю её, встречаюсь с собой глазами и поправляю длинную чёлку, о которой жалею абсолютно каждый день. Но после переезда в Москву у меня была острая потребность что-то в себе изменить. Я выбрала самый неоднозначный способ.

– Я просил тебя надеть зелёное платье, – пеняет Марк, пока стоим на светофоре.

Хмурюсь, говоря:

– Я думала, ты пошутил...

Телефон опять вибрирует. От нетерпения ёрзаю по сиденью. Где этот чёртов ресторан?

– Я не настолько плохой шутник, – бросает мой спутник.

Хмурюсь ещё сильнее, поглядывая на него.

– Не думала, что это так важно... для тебя, – намекаю на нелепость ситуации.

Ещё никто и никогда не указывал мне, что носить. Потому что это выглядит именно так.

– Я бы не тратил сейчас наше время на обсуждение твоего платья, если бы это было неважно для меня.

Оторопев оттого, куда зашёл этот разговор, просто молчу. Молчу всю оставшуюся дорогу, глядя в окно на вечерний город.

Ресторан настолько гламурный, что мне вмиг становится не по себе. Тушуюсь как дурочка, ухватившись за локоть Марка. Возможно, зелёное платье здесь смотрелось бы уместнее, чем то, которое на мне сейчас. Это немного убавляет моё возмущение, но осадок всё равно остаётся.

Зелёное платье подарил мне он. Но оно не очень мне нравится. Слишком дорогое и слишком... не моё. Я чувствую себя в нём не в своей тарелке.

– Мне нужно припудрить носик, – стараюсь разрядить обстановку натянутой улыбкой.

– Не задерживайся, – кивает он на коридор за стойкой хостес, будто знает, чем я собираюсь заняться в туалете.

– Хорошо. – Снимаю свою руку с его локтя.

Иду по коридору, на ходу доставая из сумки телефон. Вбегаю в кабинку, чтобы НИКТО не смог мне помешать, и, опустив крышку золотого унитаза, сажусь на неё.

У него что, месячные?!

Полчаса назад:

Орлов: *«Ты что, в восемь утра уезжаешь?»*

Двадцать две минуты назад:

Орлов: *«Я всё помню, у меня нет деменции, поприсутствуешь на совещании и свободна.»*

Три минуты назад:

Орлов: *«Игнорирование своего прямого руководителя плохо сказывается на ежемесячных бонусах.»*

– Ах вот как! – Стучу по буквам как ошпаренная.

Я: *«ПЕРВЫЙ РАЗ СЛЫШУ О БОНУСАХ.»*

Я, конечно, утрирую, о бонусах я слышала. Просто они пока мне не положены, и это наглый шантаж с его стороны.

Ответ приходит незамедлительно.

Орлов: *«И не услышишь, если будешь игнорить мои сообщения. Если я пишу, значит это важно.»*

Я слышу эту фразу второй раз за вечер. Но в интерпретации Орлова она звучит в десять раз бесячее. Потому что это полная фигня!

Я: *«Если бы это было важно, ты бы позвонил, как делаешь обычно.»*

Орлов: *«Значит, у нас новые правила.»*

От возмущения у меня открывается рот и краснеет лицо.

Я: *«Может, тогда озвучишь свои ПРАВИЛА официальным документом?»*

Орлов: *«Завтра. В 8.00. В моём офисе.»*

– Козёл! – рычу на весь туалет.

Телефон начинает звонить. Это Марк. Я уже успела о нём забыть. Мне хочется бросить трубку в унитаз, потому что сейчас вообще не до него и его дегустаций.

Он предложил остаться у него. Но если в восемь утра мне нужно быть в офисе, значит об этом не может быть и речи. Потому что нужно собрать вещи и успеть заскочить в магазин игрушек.

Но самое ужасное в том, что я не хочу сегодня возвращаться в этот ресторан.

Закрываю глаза и принимаю звонок.

Придется потерпеть.

Глава 3

Массируя пульсирующий висок, цежу:

– Может, хватит?

Зелёный теннисный мяч ударяется о стену и рикошетит в пол.

– У тебя проблемы с нервами? Учись абстрагироваться.

Лениво выбросив руку, Орлов захватывает его в полёте и опять бросает в стену, развалившись в своём кресле.

И это совещание?!

Нас здесь двое! И ещё пара регионов на видео-конференц-связи. Такие же миньоны, как я. Которых он вытащил в региональные офисы в восемь утра субботы. Но поднятые на этом дебильном совещании темы до скрипа в зубах конструктивны. Всю неделю они были отодвинуты на задний план, потому что в рабочие часы уже шестнадцать дней подряд все наши силы отданы новому проекту, за который Орлов, безусловно, получит свои бонусы. Пропорционально своему окладу. Кажется, даже я получу какие-то бонусы, если мы справимся. Их получают все, потому что я слышала, будто он нежадный. Всё бонусы сыплются ему, а вот потом Орлов распределяет их сам, согласно своему внутреннему чувству справедливости.

Конечно же, я хочу бонусы!

Но конкретно сейчас я готова его убить.

Потому что не понимаю, зачем я здесь!

Веб-камера на его мониторе отключена, бубнящий искажённый голос какого-то мужчины щёлкает по мозгам. Кажется, он тоже до конца не проснулся, как и я. Вдобавок ко всему, не могу сосредоточиться на его речи, потому что мой телефон опять вибрирует.

Проваливаюсь в переписку, читая сообщение, которого ждала последние две минуты.

Марк: *«Так не пойдёт. Я вижу тебя два раза в неделю, а хочу видеть семь раз. Уже говорил. Наши отношения несовместимы с твоей работой. У тебя на раздумья неделя, Аль.»*

Закрываю глаза, думая гиперболизированно. Но этот чертов мяч не даёт сконцентрироваться! Как и то, что это любимое увлечение Орлова. Долбаное гиперболизирование. «Гиперболизируйте свои мысленные потоки», «гиперболизируйте свои цели», «гиперболизируйтесь в принципе».

Внутренне ору, подняв на него глаза.

Перевернутая козырьком назад бейсболка. Ноги в белых кроссовках, закинутые на стол.

Бесячий мяч снова возвращается в его здоровенную жилистую ладонь с эппловским рыжим ободком на запястье.

Его кресло огромное. Другое его бы не выдержало. С виду он тяжёлый, как горища. Длинные ноги, длинные руки. Рельефный корпус. Темноволосая голова, и эта его щетина. Со вчерашнего дня ставшая похожей на бороду.

И всё в нём такое. Мужское и офигенное. В каждой, блин, повадке.

Всё вокруг просто кричит от этого тестостерона.

В руке опять вибрирует телефон, и я опять читаю:

Марк: *«Я тебе предлагаю серьёзные отношения. Я тебе предлагаю стать моей женщиной. Я тебе дам всё, что захочешь. Но мне ты нужна постоянно. Понимаешь?»*

Господи...

Забив на всё, пишу:

Я: *«Я и так твоя женщина. А ты мой мужчина.»*

Игнорирую внутренний дискомфорт от этой фразы, но мне нужно было что-то ответить!

Его женщиной я стала два месяца назад. Это было... мне понравилось. И ему тоже. После шестилетнего перерыва «высшее удовольствие» с мужчиной – последнее, что меня волнует! Это не самое главное в жизни. И забота, которой он окружил меня, в пятьдесят раз важнее.

Марк: *«Переезжай ко мне. Вместе с Тыковкой.»*

Внутренности сжимаются от шокированного волнения. Нет, не от волнения. А от мгновенного протеста и страха перед тем, что он об этом узнает.

Я не хочу...

Это слишком быстро.

Мы друг друга почти не знаем. Совсем не знаем... Он её никогда не видел. Незнаком.

Боже... их нужно познакомить?

Смотрю на погасший экран.

Опять вибрация в моей руке.

Опять ныряю в телефон. Это мама.

Мама: *«К двум будешь? У меня планы. Тоня скандалит. Сильно.»*

– Убери телефон.

Поднимаю глаза на Орлова, беззвучно спрашивая:

«Чего?!»

Всё творящееся вокруг меня вдруг сходится в одной точке. Прямо после того, как он сказал эту фразу.

– Ты серьёзно? – звенящим от эмоций голосом спрашиваю я.

– Вполне. Отвлекись. Ты сейчас на работе, – зажав свой дебильный мяч в кулаке, развивается на кресле.

– Это важно, – цежу сквозь зубы.

– Аля, – говорит снисходительно, как, блин, ребёночку. – У нас тут пять регионов на связи. У конференции ограниченное время. Сорок восемь минут. А ты ни одного слова не услышала. Это наш задел на следующие два месяца. Сечёшь?

Долбанный телефон опять вибрирует в ладони.

Смотрю в голубые глаза, снова потерявшись. Что мне с этим делать? Вообще на него не смотреть?! Потому что, когда на него смотрю, меня плющит! Достал. Достал быть таким. Он не может бесить меня до конца, ему непременно нужно быть объективно последовательным и адекватно сексуальным!

«Нет. Нет и нет», – напоминаю себе, забыв о телефоне напрочь.

Облизываю губы, сдаваясь.

– Это мама, – вру и не вру одновременно. – У... Тыковки голодовка. Мне нужно домой. Прямо сейчас, Слав.

Опускаю лицо, глядя на свои кеды.

– Почему у неё голодовка? – откашлявшись, спрашивает он, глядя в потолок.

Поставленный таким образом вопрос не располагает меня к развёрнутому ответу.

Она соскучилась. Она в принципе капризная. Она очень капризная. Она – моя жизнь.

– Тебе будет неинтересно. – Быстро встаю, подхватив с пола спортивную сумку.

Иду к двери, обернувшись через плечо. Я уйду в любом случае. И он мне слова не скажет. Я уже знаю его слишком хорошо. За это время научилась читать его законы.

Бросает в стену зелёный мяч, откинув голову на спинку кресла.

Ухожу, прикрыв за собой дверь. Я всё отработаю.

Сажусь в такси, роняя голову в ладони.

Телефон вибрирует, и я подсакиваю как ужаленная.

В списке горящих непрочитанных сообщений открываю то, которое от Орлова.

Игнорирую все другие. Пока.

Орлов: *«В среду будь к двенадцати.»*

Закусив губу, перечитываю опять.

Я: *«Спасибо»*, – пишу тут же, переполненная благодарности.

Орлов: *«Рассчитаемся.»*

Козёл.

Глава 4

Просовываю палец в еле заметную дырку на коленке белых в крапинку капроновых колготок и бросаю их в мусорное ведро. Продолжаю разбирать корзину для грязного белья, посматривая на залипшую в кухонном телике Тыковку. Приклеив глаза к экрану и болтая босыми ногами, медленно жуёт котлету.

Аналогичная моей чёлка убрана со лба и пришпилена невидимкой-клубничкой. Это часть фруктово-овощного набора, который она получила на Новый год. Тонкий рыжий хвост колыхнется в потоке воздуха от вентилятора, а моё сердце колыхнется в непонятной тревоге и тоске.

Что будет с ней, когда вырастет?

Я волнуюсь, думая о будущем. Это вроде моей фобии. Просто она так похожа на меня, а у меня был очень жёсткий период переходного возраста. И, когда я говорю жёсткий, я не шучу. Я была неуправляемая и невыносимая. Удивляюсь тому, что моя мама просто не придушила меня во сне подушкой.

А Тыковка... она даже вилку держит так, как я. И это помимо того, что моя кроха – моя, блин, ксерокопия! Особенно с этой чёлкой, которую затребовала себе, после того как увидела такую у меня.

Отодвигает еле тронутые макароны, запивая их молоком.

– Я хочу с тобой, – заявляет, поставив стакан на стол и посмотрев на меня. – В Москву.

Я тоже этого хочу. Больше всего на свете я хочу, чтобы она была со мной!

Затолкав её вещички в стиральную машинку, подхожу и салфеткой убираю молочные усы с усыпанного конопутками лица.

– Мы же об этом говорили, – напоминаю, заглядывая в чистейшие голубые глаза.

Я рада, что времена изменились. Когда я была в её возрасте, меня очень жестко троллили за цвет волос и веснушки. А сейчас всем, кажется, плевать.

Опустив глаза, хмурится и дуется, выпячивая губы. У меня сердце плавится.

Это вообще невыносимо.

У меня поезд через три часа, и как мне уехать? Когда я сделала это в первый раз, три дня не могла нормально спать. Одна в чужой съёмной квартире. Я скучала по ней как ненормальная.

– Приеду в субботу и пойдём в кино, – обещаю ей.

Это слегка рассеивает тучи, потому что следующее, что я слышу:

– Я хочу собачку.

– Собачку? – удивляюсь я.

Это ещё откуда взялось?

– У тебя же есть хомячок.

Альтернатива настолько смешная, что она даже не комментирует.

– Давай возьмём собачку, – упрямится. – У Вари есть. Я тоже хочу, мамочка...

– Только собачек нам не хватало, – ворчит наша бабушка, заходя на кухню с двумя пакетами из супермаркета. – Собачка – это дорогое удовольствие, Тоня. Никаких собак.

На ней ярко-красный объёмный сарафан, на ногах не менее красный педикюр. От такой цветовой атаки слегка слепит глаза. Прошлым летом в её гардеробе преобладали более сдержанные тона.

Забираю пакеты, решив сгладить углы.

– Может, как-нибудь потом... – говорю Тыковке в надежде на то, что «как-нибудь потом» она забудет о собаке и захочет что-то менее проблемное.

– Да, как-нибудь потом, когда ты выйдешь замуж и у тебя будет свой дом, – деловым тоном замечает мама, будто это мне нужна та чёртова собака.

– Я думала, у меня есть свой дом, – говорю ей, начиная выкладывать на стол продукты.

– Как у вас с Марком? – меняет она тему, ополаскивая под краном руки и запуская стиральную машинку. – Не забудь развесить, – кивает на барабан.

– Не забуду.

Можно подумать, когда-то забывала.

– Так что у вас с Марком? Как у него дела?

Мы с ней не особо обсуждаем сердечные дела друг друга. Она бы всё равно меня не услышала, так что это не страшно. Если мы не делали этого никогда, то сейчас начинать не особенно хочется.

– У Марка всё отлично, – не желаю вдаваться в подробности я.

Марк лично поздравил её с Восьмым марта по телефону, и теперь он её кумир.

– Тебе бы похитрее быть. – Открывает она холодильник. – Могла бы и забеременеть попробовать.

– Мама! – в шоке смотрю на неё, а потом на Тыковку.

Тоня смотрит то на неё, то на меня. Внимательно прислушиваясь к разговору, как засевавший в кустах котёнок.

– А что такого? Мужики в таком возрасте жениться не спешат...

– Мы четыре месяца знакомы! – прерываю её. – Какая женитьба?

Конечно же, я думала об этом! О Марке, как о муже. Всю дорогу до дома и все четыре дня, которые здесь провела. Ведь это предполагают «серьёзные отношения»? Я не знаю, что ему ответить. Я не ожидала, что его вопрос настолько застанет меня врасплох. Я сказала, что подумаю... но я ничего не надумала...

С ним хорошо. Интересно. Он... надёжный... На него можно положиться в любой ситуации, такое уже бывало. Когда мне нужно было срочно найти новую квартиру зимой, он тут же подключился, потому что у меня в Москве никого нет и я боялась попасть в лапы мошенников. Марк сам нашёл подходящую квартиру, и сам заплатил за три месяца. Я хотела вернуть деньги, но он не взял.

И его не пугает наличие Тыковки. Вообще не пугает, хотя он с ней даже незнаком...

– А сколько тебе надо? – рассуждает мама. – Два года? Хочешь одна с ребёнком остаться?

От обиды округляю глаза.

По её мнению, со мной всё так плохо? Я что, настолько никому не интересна как женщина, что состарюсь в одиночестве?!

– Мне двадцать четыре... – бормочу, отвернувшись, потому что мой ребёнок очень хорошо меня чувствует, и я не хочу, чтобы он разволновался.

– Я не пойму, что тут вообще думать? – Она загибает пальцы: – Мужик богатый, неженатый, интеллигентный, с тобой носится. Вцепись в него клещами, будешь как сыр в масле кататься! Ты слышишь меня или нет?

Господи боже!

Вздрагиваю, потому что она опять выходит из себя.

– Я сама разберусь! – повышаю голос и быстро оглядываюсь на дочь.

Мы так часто ругаемся, что я боюсь, как бы она не выросла психованной, но жить с моей матерью на одних квадратных метрах – это постоянный вынос мозга!

– Разберёшься ты! Знаю я тебя! – продолжает пилить она. – О ребёнке думай! Хоть замужем побываешь! А мне осенью работу предложили. Мне сорок шесть, у меня тоже есть личная жизнь!

Роняю яйца на стол, изумляясь:

– И что это значит?!

Когда я уезжала, она слова мне не сказала! Сказала что «посидит» дома и отдохнёт, пока я буду в кои-то веки содержать её, а не наоборот. А что теперь?! Она содержала нас первые три года, потому что помощи от отца Тони и его семьи, как с козла молока. Но кое-что и они давали, потому что от моей мамы так просто не отделаешься. Она приходила к ним, как к себе домой, и требовала, требовала, требовала. А потом я пошла учиться на заочное, чтобы получить хоть какой-нибудь диплом по той специальности, которую присмотрела ещё в выпускном классе. Я тогда начала подрабатывать в цветочном киоске до обеда, чтобы забирать Тоню из детского сада.

– То и значит, – пожимает она плечом. – В октябре выхожу на работу.

– А мне что делать предлагаешь? – почти визжу я, уставившись на неё.

– Замуж выходить, – бросает, добывая меня окончательно. – Пока предлагают.

Мне никто не предлагает!

Но она разозлила меня настолько, что я просто не могу с ней разговаривать.

Просто ни секунды!

– Пошли... – Быстро подхожу к Тоне, протягивая ей руку. – Поможешь мне вещи собрать.

Она притихла, а в глазах тревога. Громко чмокаю свой любимый лоб, быстро ведя её в комнату. Потрошить мою косметичку – второе любимое занятие в её жизни. Первое – это потрошить мой шкаф.

Уже сидя в поезде получаю сообщение от Марка.

Марк: *«Заберу тебя с вокзала. Во сколько?»*

Закрываю глаза, понимая, что сегодня совсем не хочу его видеть. Не хочу разговаривать, а ведь это именно то, чем он займётся. Он захочет получить ответ на свой вопрос, потому что не любит ходить вокруг да около.

Глядя на мелькающую за окном Московскую область, пытаюсь понять, что мне делать.

Я не сомневаюсь в том, что это не блеф. Моя мать запросто может подложить мне такую свинью, от неё всего можно ожидать!

А что касается Марка...

Пытаюсь разобраться в своих чувствах, но от всех этих мыслей раскалывается голова. Всё было... хорошо, зачем усложнять? Я только-только научилась жить одна. Жить с Марком?

Я не знаю...

Набираю обессиленно, почти не испытывая чувства вины:

Я: *«Осталась до завтра. Прямо с вокзала поеду на работу.»*

Добавляю эмоджи с поцелуем и отправляю сообщение.

Глава 5

– Не-не... ниже возьми... – подгоняет Макс. – Поднимай...

– Пф-ф-ф-ф-ф-ф-ф-ф... – Приседаю, удобнее перехватывая каркас здорового зелёного дивана, и толкаю его вверх, выпрямляясь.

Тяжёлый, зараза...

– Полегче... – Оглядывается Макс через плечо. – Не убей, млин...

Слаженно минуем последний лестничный пролёт, к пятому этажу подстроившись друг под друга процентов на восемьдесят.

В лифт, разумеется, эта махина не вошла. В квартиру мы подняли уже до фиги всего, включая «бэушный» комод, хренову тучу диванных подушек и новую стиралку вместо старой, которую отпёрли на мусорку через два дома.

В понимании Макса Немцева это – «нужна помощь».

– Грузчиков... не пробовал... нанять? – Колено сводит, потому что собрал им два дверных косяка, и сейчас шиплю, морщась. – Твою мать!

– На фига... если ты есть? – психует Макс, дёргая на себя перекошенный край. – Тихо... сюда, в угол...

Грохаем махину на пол, еле пальцы выдернуть успеваю. Упёршись руками в колени, смотрим друг на друга.

– Спасибо, – сипит Макс, тяжело дыша. – С меня вискарь...

Задрав край футболки, вытираю лицо. По позвоночнику и шее катится пот. Спину как-то подозрительно тянет. Немцев снимает свою футболку и бросает на пол. Читаю надпись под его расписанными рёбрами и усмехаюсь.

Гений, блин.

– Подарю вам кондей к первенцу, – обещаю, опуская футболку и мечтая поскорее от неё избавиться.

– Или мы тебе, – смеётся Женька, сидя в цветастом сарафане на раскрытом настежь окне. Довольная и жующая яблоко. После всего пережитого я бы тоже чего-нибудь пожевал.

– Это вряд ли... – бормочу, потому что у меня первенцев даже в очень отдалённом будущем не планируется.

Даже если через телескоп смотреть.

– Мой герой... – довольно тянет она, улыбаясь от уха до уха.

Это не мне.

Немцев подходит к ней и упирается руками в подоконник, окружая собой. Наклоняется, а я отворачиваюсь, ища, где оставил телефон.

– Максим! – верещит его жена. – Иди в душ...

Замолкает на полуслове с тихим вздохом, и я не сомневаюсь в том, что они уже думают, как от меня избавиться. Но ни фига: пусть сначала накормят меня, барина.

Телефон нахожу на коробке с набором посуды.

Оборачиваюсь на очередной визг, чтобы увидеть, как, не церемонясь, Макс заваливает Женьку себе на плечо и тащит к дивану, ухватив обеими ладонями под коленками.

Отхожу, и он бросает громкое тело на новенький диван.

От её хохота закладывает уши.

Нехотя улыбаюсь, потому что она перекачивается с одного бока на другой, как диванный, блин, дегустатор. Укладывается на живот и болтает босыми ногами в воздухе, пока Макс наблюдает за ней сверху, пристроив татуированные руки на бёдра и ухмыляясь.

Млин. Я пошутил. Какие там первенцы? Они ж с ними за игрушки подерутся.

Насмотревшись на брачные игры, от которых уже отвык, спрашиваю:

– У вас что-нибудь съестное есть?

– Борщ... и блинчики... – говорит Женька, приподнимаясь на локтях.

Неплохо.

– Теперь понятно, чем она тебя так прихватила... – Проваливаюсь в почту, проверяя рабочие письма.

– Ага... – многозначительно отзывается Макс.

На следующей неделе пройдет презентация вертикальных телевизоров с универсальным экраном. Дичь немыслимая, но я хочу посмотреть. Взял несколько пригласительных для себя и своих миньонов. Осталось только решить, кто достоин меня сопроводить. Шампанское рекой и бесплатная хавка от брендированных ресторанов – желающих меня сопроводить всегда до фига.

Полужинав у Немцевых, покидаю обитель истинной любви.

Солнце уходит в закат, но парит так, что дышать нечем. Насколько я знаю, это к дождю. Моё воскресенье пожертвовано на благотворительность. Пока иду к машине по узким старомодным дворам, решаю поехать домой, а не в спортзал, потому что таскать что-то тяжелее кофейного стакана сегодня больше не расположен.

Заведя машину и врубив кондей, открываю мессенджер. Не спешу трогаться, потому что знаю: на проспекте встану в пробку.

Таня из бассейна Дельфин: *«Мур-мяу».*

Я: *«Кис-кис-кис».*

Таня из бассейна Дельфин: *«Сегодня свободна и вся для тебя...»*

Прикрепила фото.

Склоняю голову набок, чтобы разглядеть получше. Интересное предложение...

Всерьёз задумываюсь, глядя в пространство.

Что-то сегодня нет аппетита. И я, кажется, потянул поясницу.

Я: *«В другой раз, киса. На работе завал.»*

Дублирую сообщение двум другим контактам, заменив «кису» на «заю» и «малышку». Закрываю мессенджер, пристегивая ремень. Зевая, выруливаю на проспект. Как и планировал, упираюсь в пробку.

Встав наглухо, грузу инсту, чтобы убить время.

Закинув локоть на бардачок, бездумно листаю ленту, пока не наткнуюсь на два счастливых, усыпанных веснушками лица.

Глубоко вздохнув, откидываю голову на сиденье, присматриваясь к картинке. К искрящимся голубым глазам и подкрашенным коралловым губам Алевтины, мать её, Затейницы. На работу она губы так не красит. И правильно делает, потому что постоянный отток крови из головного мозга усложняет работу и фигово сказывается на моём настроении. И то песочное платье тоже. Как и тот факт, что мне к этому всему вход воспрещён, а кому-то открыт.

– Блин, – шепчу, проведя по лицу ладонью.

Блокирую телефон и прикрываю глаза.

Потому что это абсолютное нечто.

Когда увидел фото Али с дочерью впервые, просто офигел. Забавно, гамбец. То, как они смотрятся вместе. Я не знал о том, что сняли запрет на клонирование людей. И не думал, что у неё такой взрослый ребёнок.

Тыковка. Да, блин. Лучше не скажешь.

Резко снимаю блокировку и листаю дальше. Идентичные разноцветные колпаки на их головах и одинаковые тюлевые юбки розового цвета. Судя по всему, поездка удалась, потому что они выглядят нереально счастливыми. Вслед за селфи – фото девочки. Она задувает свечку в форме цифры шесть на двухъярусном шоколадном торте. И везде их двое. И это деталь, которую я ни фига не игнорирую, а мрачно фиксирую.

Моя мать говорила, что Алевтина рано залетела, но, когда я узнал, насколько рано, снова офигел. Она школу заканчивала экстерном. А потом заочно в институте училась. Я честно матери сказал, что возьму её только после собеседования. Даже у моего меценатства есть границы.

Я ожидал чего угодно, но только не Алевтины.

У неё математический склад ума, но уровень образования на уровне программиста-эмбриона. Учится она быстро, потому что собранная и упрямая как ослица.

Она мне сразу понравилась. Такая деловая и серьёзная. В этих своих очках, которые напяливает, когда работает за компьютером. И если бы я не знал, что ей реально нужна эта работа, предложил бы провести время по-другому.

Убираю телефон и давлю на газ, вырываясь из пробки.

Заскочив в магазин, беру еды на пару дней.

Дома, обложившись рабочим ноутбуком и телефоном, поглядываю на игровую приставку, подумывая забить на работу. Она призывно манит, но я ещё в школе понял, что с этой зависимостью придётся серьёзно бороться. Забиваю на приставку и погружаюсь в работу.

В понедельник утром миньоны носятся из угла в угол, делясь друг с другом идеями. Потому что я не в духе. Я никогда на них не ору, они сами чувствуют, что нужно поднажать, а прошлая неделя была на тридцать процентов менее продуктивной, чем нужно по составленному мной плану работ.

На утреннем совещании все, включая меня, забыли о днюхе руководителя ИТ-департамента, которого наш отдел в итоге поздравил почти последним. Всё потому, что Алевтина взяла выходные за свой счёт. Официально в её обязанности не входит следить за календарём, но я пригрузил её этой повинностью, сняв ту с себя. Она что-то типа моей секретарши, которая мне не положена. И, если она не научится корректно посылать таких, как я, в задницу, не заметит, как «мы» сядем ей на шею.

Вечером во вторник пишу ей сообщение абсолютно рабочего характера. Потому что она мой сотрудник, и она мне нужна.

Я: *«Завтра к семи едем на презентацию самсунга, не строй планов на вечер.»*

Откинувшись на стуле, пытаю глазами окно внутреннего корпоративного чата в компьютере.

Отвечает сразу.

Алевтина Д Евдокимова: *«Спасибо, что предупредил. Уже еду в Москву.»*

Подгребаю к компу и быстро набираю:

Я: *«Тебя встретить?»*

И так же быстро стираю, заменяя на *«хорошей дороги»*.

В ответ она молчит. И это впервые.

Глава 6

Подперев виски пальцами, перевожу глаза с монитора рабочего ноутбука на монитор рабочего компьютера.

Мой чахлаый код в процессе тестирования. Вернее, его небольшой кусок, над которым я коптилась всю прошлую неделю. Но, с учётом того, что брала дни, не успела довести его до ума.

В мессенджере телефона всплывает сообщение от Марка, которое я игнорирую, продолжая гипнотизировать мониторы. Когда я нахожусь в рабочем процессе, меня бесит абсолютно любое постороннее вмешательство, иногда я не отвечаю даже на звонки рабочего телефона.

Это мой первый самостоятельный проект. Разработка ПО (прим. автора – программного обеспечения) для системы видеонаблюдения.

Когда Орлов передал его мне, я чуть от страха не умерла. Он отправил меня на двухмесячные курсы и терпеливо ждал, пока я их закончу. Курсы оплатила фирма, и теперь мне нужно дать результат. И прежде всего я хочу дать результат своему руководителю. Последний раз я так нервничала перед собственными родами, накручивая себя и боясь всего подряд. Например, что что-то пойдёт не так.

В работе я очень медленная, и мне никогда не хватает восьми рабочих часов. А сегодня я вообще соображаю как улитка. Потому что благодаря своей матери почти не спала ночью.

Она и раньше доводила меня до состояния психоза, но в этот раз превзошла саму себя.

Я не справлюсь с Тоней одна, здесь, в Москве. Даже если каким-то чудом найду для неё детский сад. Кто будет забирать её оттуда? У меня даже машины нет. И это не говоря о том, что в следующем году она пойдёт в школу.

Я так зла на мать, что даже слышать её не хочу. Но я всегда беру трубку, когда она звонит, потому что так мы договорились.

Марк звонил в двенадцать ночи, и мы почти полчаса болтали о его работе. Он занимается ресторанным бизнесом. Всё это было бы очень интересно, если бы мне был интересен бизнес в принципе, поэтому я слушала его через слово.

Тяжело вздыхаю и беру в руки телефон.

Марк: *«Во сколько сегодня освободишься? Проверь остаток по счёту.»*

Проваливаюсь в мобильный банк и удивлённо округляю глаза.

Я: *«В районе восьми. ЧТО ЭТО?»*

Марк: *«Подарок.»*

Я: *«Зачем мне столько?!»*

Марк: *«Купи себе что-нибудь красивое. И адрес пришли, откуда тебя забрать.»*

– По коням! – врывается в наш опенспейс громоподобный голос, от которого отдел приходит в движение.

Отодвигаются стулья и щёлкают ящики столов.

Быстро скидываю Марку адрес места презентации телевизоров «Самсунг», поворачивая голову. Орлов стремительно движется между перегородок, работая длинными ногами. Он с утра таскался по совещаниям и даже ни одного письма мне не оставил.

Сегодня я его ещё не видела и не слышала. Не глядя блокирую телефон и убираю в сумку.

Мои глаза жадно следят за каждым его движением. Он приоделся. В песочного цвета брюки, голубую рубашку и тёмно-коричневые туфли. Обычно он так не одевается. В компании нет вообще никакого дресс-кода, поэтому тут кто во что горазд. Повседневный стиль Орлова: джинсы и кроссовки. Но на нём всё сидит отпадно. Особенно на его бёдрах.

Господи...

Он такой здоровый и подтянутый. Я уже привыкла. Возможно, каким-то женщинам его размеры покажутся непривлекательным. К моему горю, я не из тех. Я обомлела ещё в день

нашей первой встречи. От его габаритов и всего остального. Он был таким строгим и крутым. Таким профессионалом, что я растерялась и хотела бежать. Пару раз от нервов сморозила настоящую дичь, но он и бровью не повел.

Он вообще на меня никак не реагировал. Сразу установил между нами дистанцию.

Это потом я узнала, каким шутом гороховым он может быть и каким деспотом.

Ещё я знаю, что у него тёлочка больше, чем у долбаного султана. Коллекция неделька на каждую неделю месяца. Но в офисе он не гадит. Об этом знают абсолютно все.

Поправив очки, собираю ноутбук и пакую его в сумку. Хочу взять его домой, чтобы продолжить тестирование на удалёнке. Это первый пробный тест, и я очень волнуюсь.

– Что там у тебя?

Окружив своими ручищами, упирается в стол. Кладёт ладонь рядом с моей и заглядывает в монитор поверх моей головы.

От неожиданности перестаю дышать. Его грудь касается моих плеч. Запах туалетной воды приятный и такой мужской. И он обволакивает меня со всех сторон.

Вторая его ладонь полностью поглощает мою крошечную беспроводную мышку, сворачивая одни окна и открывая те, что интересуют его.

– Давно запустила? – спрашивает тихо.

По шее и груди ползут мурашки. Облизнув губы, так же тихо отвечаю:

– Минут пятнадцать...

Изучает строчки моего недоразвитого кода, спокойно дыша над моей головой. Глаза цепляются за наши ладони, лежащие рядом друг с другом. Моя – половина от его. На среднем пальце толстое серебряное кольцо. Я фетишистка, но мне всегда нравились его ладони и длинные пальцы с аккуратно подстриженными ногтями.

Чёрт...

– Как добралась? – его голос так близко, а подбородок почти в моих волосах.

– «Российскими железными дорогами»... – бормочу, осторожно убирая руку.

– У тебя ошибка, вырубай, – сообщает хрипловато, выделяя её курсивом.

– Угу.

Я не сомневалась, что она там будет.

Иногда мне кажется, что у него на это ПО код давно написан, и он держит его где-то «в столе».

Жду, пока Орлов освободит мою мышку.

– Так как добралась? – повторяет вопрос, выпрямляясь.

Поднимаю на него глаза, повернув вслед за ним голову.

Положив руку на спинку моего кресла, молча изучает меня с головы до талии, потому что нижняя часть моего тела находится под столом. Я занята тем же самым. Изучаю его снизу вверх и обратно.

Его брюки и моё платье – практически одинакового цвета.

Голубые глаза бесстыже ныряют в мой вырез.

Чувствую, что начинаю краснеть. На моём лице это всегда как зажжённая сигнальная ракета.

Быстро опускаю голову.

– Что? – уже не помню, о чём он меня спрашивал.

Орлов чешет тёмную бровь и откашливается.

Отводит глаза, осматривая офис, и говорит рассеянно:

– Собирайся. Выезжаем через пять минут.

Смотрю ему вслед не мигая. Пытаюсь прогнать дурацкую краску со своего лица и Орлова-великолепного из головы.

Отъехав на стуле, резко открываю нижний ящик стола и достаю свои лодочки. Сбрасываю сандалии и надеваю сначала одну, потом вторую туфлю. Встаю, разглаживая платье по фигуре. Поднимаю с пола сумку с ноутбуком и свою кожаную сумку, наблюдая за тем, как Орлов собирает вещи за стеклом своего шефского аквариума.

Десять минут спустя я оказываюсь на переднем сиденье его «БМВ».

Глава 7

– А что, на обычном телике уже видео смотреть не катит? – скептически тянет Георгий, наш техник.

Этот вопрос интересует и меня саму.

Кладу в рот канапе с лососем и запиваю его охлаждённым шампанским. Как и все, с интересом ожидаю реакции Орлова на этот странный телевизор, практическую пользу которого мой мозг пока не в состоянии постичь.

На презентации нас пятеро. Окружив экспонат дугой и перекрыв доступ другим желающим, просвещаемся. Иногда мне кажется, что Орлов таскает меня всюду для красоты, потому что в нашем коллективе всего две девочки и вторая сейчас на седьмом месяце беременности.

Возвышаясь над всеми нами, мой босс с умным видом изучает информационную брошюру, а потом ровным голосом заявляет:

– Ну, если ты глухомань, можешь и на «пузатом» телике смотреть.

Дружный гогот проносится по нашим рядам. Сама я давлюсь шампанским, прикрывая нос рукой.

– В Корее у каждого второго влогера такой, – делится информацией Сергей, ещё один техник.

– В Корее каждый второй житель – влогер, – хмыкает Орлов, наклоняясь к этому чуду нанотехнологий. – Если не научите мам и бабушек снимать видео горизонтально, смело покупайте эти телики.

Улыбаюсь, продолжая жевать.

Есть в мире несколько вещей, которые я действительно обожаю.

Одна из них – посещение презентации электроники вместе со Станиславом Орловым. Это было всего три раза, включая сегодняшний, но это всегда то ещё шоу.

Повернув ко мне голову, улыбается уголком губ. Глаза искрятся весельем, потому что он намерен развлекаться.

– У кого есть ТикТок? – спрашивает Славик.

Три пары рук предлагают ему свои телефоны, как будто у них попросила прикурить Мэрилин Монро.

Взяв телефон Георгия, синхронизирует его с выставочным телевизором и выводит на экран первое попавшееся видео.

Переворачивает телефон в горизонтальное положение, и я улыбаюсь, будто увидела летающего в цирке слона, потому что монитор телика переворачивается в горизонтальное положение вслед за телефоном, дублируя картинку.

– И надолго его хватит? – спрашиваю весело, пока Орлов продолжает вертеть монитор в разные стороны.

– «Самсунг» не уточняет, – говорит деловым тоном, загружая новое видео. – Хочешь попробовать?

Смотрит на меня, улыбаясь.

Задрав голову, киваю. Отдаю ему свой бокал, подходя ближе. Он сжимает круглое основание в ладони и отдаёт Гоше телефон. Вторую ладонь кладёт в карман брюк и становится за моей спиной на таком расстоянии, что снова чувствую его запах.

Зайдя в настройки своего айфона, быстро подключаюсь к телевизору.

– Как цифровая фоторамка. – Вывожу на экран фотографию, где Тыковка облизывает измазанные шоколадным тортом пальцы.

Фотография горизонтальная, поэтому телик тут же переворачивается.

– За сто штук фоторамка, – замечает Орлов за моей спиной.

– Сколько? – округляю глаза и оборачиваюсь.

Посмотрев на меня сверху вниз, кивает на монитор, где всё ещё маячит моя дочь:

– Ты её на ксероксе распечатала?

Очередной дружный хохот служит ему аплодисментами.

– Нашла в капусте. – Стараюсь сохранить равнодушный вид, но губы сами улыбаются.

– Чумовая находка, – бросив ещё один взгляд на экран, замечает он.

– Спасибо...

Наши глаза встречаются, и он возвращает мне бокал, подставляя согнутую в локте руку.

– Пойдем, посмотрим, чем нас ещё корейцы удивят.

Перебросив через плечо сумку, просовываю руку под его локоть. Прихватив с подноса канapé, пытаюсь зажевать свои эмоции, пока бредём вдоль презентованных экспонатов.

Ребята из нашей команды разбрелись кто куда, и теперь мы сами по себе.

Бицепс под моими пальцами как камень. Его ладонь вдруг соскальзывает в карман брюк. Моя рука остаётся болтаться где-то внизу, обвинив его запястье.

Это выглядит таким обманчиво естественным, что я смущаюсь и забираю руку, отходя от него подальше. Изобразив заинтересованность, рассматриваю ничем не примечательный выставочный планшет, который, судя по всему, здесь до кучи.

Орлов снова вырастает за моей спиной и, протянув руку, щёлкает пальцами.

Экран планшета вспыхивает.

Моя ладонь оказывается в его тёплой большой ладони. Он ведёт по экрану моим пальцем, опуская вторую руку на мой живот, растопырив пальцы.

Моё сердце останавливается. По спине стекают мурашки.

– Что ты делаешь? – спрашиваю почти шепотом, не в силах пошевелиться.

– Ничего. – Напрягает руку и прижимает меня к себе всем телом, пока мой палец под его руководством листает приложения.

Я чувствую всё его тело своим. Лопатки прижимаются к его груди, ягодицы к его бедрам. Ещё чуть-чуть и почувствую поясницей его ширинку. Это... это настолько интимно, что я и дышать перестаю.

Виска касается дыхание. Роняю веки.

Боже...

– Отпусти... – выдыхаю тихо.

– Попроси ещё раз... – хрипло предлагает он.

Прижав мою ладонь к стойке и накрыв её своей, проводит носом по волосам у меня за ухом, а большим пальцем второй задевает серёжку в моем пупке через тонкую ткань платья.

Вздрагиваю.

Его тело напрягается. Мои колени слабеют. Низ живота сотрясает маленький взрыв.

– Орлов... убери руки... – требую дрожащим голосом.

Коротко выдохнув, опускает их и отходит на пару шагов назад. Резко развернувшись, смотрю на него, полыхая с головы до ног.

Что это сейчас такое было?!

Сжав челюсти и сунув кулаки в карманы брюк, оттягивает их так, чтобы стало посвободнее. Не могу удержаться и бросаю взгляд на его пах, потом на его лицо.

Теперь моё сердце скачет галопом.

Смотрит исподлобья прямо мне в глаза.

– Пойдём посмотрим наушники, – говорит сипловато, ткнув подбородком мне за спину.

Как ни в чём не бывало!

Может, для него это ни фиги и не значит, а в моём мире только что случилось землетрясение!

Первый месяц работы я только и делала, что о нём мечтала. А он дольше пяти минут на меня ни разу не посмотрел. А потом... появился Марк. И я перестала мечтать, потому что мечты для идиотов. А я уже шесть лет не идиотка.

И этот подкат – последнее, что мне сейчас нужно в жизни!

– Развлекайся, – развернувшись на каблуках, бросаю я.

Мечусь по залу в поисках туалета. Мне нужно охладить лицо и собраться с мыслями.

Я растеряна и злюсь. В первую очередь на себя. Потом на Орлова. Мне нравится работать с ним. Я обожаю свою-нашу работу. И у меня хватает проблем, кроме как думать о том, что бы это могло для него значить!

В отражении лицо полыхает. Отпечаток его ладони жжёт мой живот до сих пор.

Чтоб ты провалился, Орлов! Почему сейчас?!

От безысходности мне хочется зарыдать.

Плещу в лицо холодной водой и осторожно протираю его бумажным полотенцем, стараясь не испортить макияж. Смотрю в свои глаза, упершись руками в мраморный умывальник. Их заволокло тонкой пеленой слёз. Но я смаргиваю их, тряхнув головой.

Как только выйду отсюда, сделаю вид, будто ничего не было.

Бросаю полотенце в корзину и достаю из сумки резинку. Собираю волосы в высокий хвост, выпуская пару прядей у висков. Намочив руки, остужаю шею.

Вернувшись, нахожу своего босса в окружении вассалов. Стараясь держаться от него подальше, сжимаю в руках телефон, ожидая сообщения от Марка.

Повернув голову, Орлов окидывает меня внимательным взглядом через плечо. Встречаю его молча и прямо. Мой телефон вибрирует. Опускаю на него глаза.

Марк: *«На месте. Задняя парковка, четвёртый ряд.»*

– Я ухожу, всем пока, – объявляю прежде всего Орлову, и пусть только попробует обложить меня своими закидонами, вроде совещания в семь утра или ещё какой-нибудь фигни...

Он отворачивается, демонстрируя мне модельно выстриженный затылок.

Отлично!

Ухожу, наплевав на то, что в его машине остался мой ноутбук. Сегодня я не смогу работать, даже если захочу.

Жара на улице утихла. Упрямо переставляя уставшие от каблуков ноги, нахожу чёрный «ягуар» и забираюсь внутрь.

Карие глаза Марка медленно осматривают меня с головы до ног. Опускаю сумку на колени, пряча лицо, и говорю:

– Привет...

– Не хочешь меня поцеловать? – выждав минуту, уточняет он.

Повернув голову, киваю.

На нем льняной костюм и белая футболка. На лице немного щетины. Мы не виделись четыре дня. Я не особо скучала. Это потому что мы созванивались и потому что всё моё внимание на выходных было отдано Тыковке.

Подавшись вперёд, тянусь к нему, отчаянно желая, чтобы своими губами он вытеснил из моей головы всё на свете. Ведь он – мой мужчина! Его вкус и запах мне знакомы. Но, когда его губы привычно касаются моих, ничего такого не происходит! Я слышу, как на соседнее место заезжает машина. Слышу, как шуршат по асфальту ее колёса.

От досады теперь злюсь и на Марка.

Зажмуриваю глаза, прижимаясь к нему крепче. Обнимаю его шею руками, сильнее наклоняя голову. Требуя от него сама не знаю чего. Больше страсти. Больше эмоций. Больше чувств. Вместо этого он освобождает мои губы, откидываясь на своё кресло. Мои руки соскальзывают с его шеи, и я делаю то же самое: безвольно растекаюсь по своему сиденью.

– Заберем еду в ресторане, а потом ко мне, – говорит, заводя машину.

Это не вопрос. Но прямо сейчас мне вдруг на всё плевать.

– Хорошо, – отвечаю, пристёгивая ремень и убирая подальше в сумку телефон, который всё это время сжимала в руке.

Он молчит. Вперяю глаза в пространство, а потом прикрываю, делая вид, что устала.

Глава 8

Прислушиваясь к шумящей в душе воде, смотрю в потолок. Прохладный воздух от кондиционера гуляет по лицу и плечам. Передернув ими, натягиваю выше одеяло и прячусь в него, оставив снаружи только нос.

Под конец дня я вымотана морально и физически. Я даже готова уснуть, с учетом того что благодаря своей матери не спала предыдущей ночью.

В квартире Марка очень умная подсветка. Вся его квартира очень «умная». Двухуровневая и ассиметричная. Это модная в столице жилплощадь, расположенная в экспериментальном проекте советских архитекторов. Квартира съёмная, но за городом у него есть дом. Я там ни разу не была, толком даже не знаю, где этот дом находится.

Протянув руку, беру с тумбочки телефон и открываю последнюю фотку Тони из тех, что сегодня прислала наша чокнутая бабушка. На ней Тыковка спит, вырубившись прямо на диване. Подложив под щёки ладони и приоткрыв рот.

Улыбаюсь и убираю телефон, потому что дверь ванной открывается.

– Замерзла? – спрашивает Марк, подходя к рабочему столу, чтобы выключить свой ноутбук.

– Нет, – говорю ему вяло. – Не люблю, когда жарко.

– Я помню.

На нём белые трусы и больше ничего. У него красивое тело. Он над ним много работал. Марк из тех мужчин, которые следят за собой. У него даже маникюр есть. Он много работает с европейцами, а для них это нормально.

Боже, я такая дремучая.

Нормально?

Откуда во мне такие предубеждения? Что маникюр для мужика – это ненормально. Я дремучая и стереотипная. Просто Марк – первый мужчина в моей жизни, который раз в две недели тратит полчаса на маникюр.

Я стереотипная, но... чёрт...

Не могу представить Орлова на приёме у маникюрши. Память услужливо подбрасывает его руки. Его сильные ладони с проступающими венами...

К чёрту его! Вместе с его ладонями, его калькуляторной башкой, которой я восхищаюсь, и офигенной задницей, которую я когда-то мечтала увидеть голой и... где-то у себя между ног...

К чёрту его...

Чувствую, как щиплет в носу. Не знаю, что со мной такое, наверное, стресс.

Матрас прогибается, и под одеялом меня обнимают тёплые руки.

Это то, что мне нужно прямо сейчас. Это то, что мне было нужно, когда мы с Марком познакомились. Когда мы познакомились, он мне не сразу понравился. Слишком серьёзный. И прямолинейный. Это меня смущало. Но мне понравилось его тело и... я хотела расслабиться. После шести лет одиночества мне просто хотелось заняться сексом! С настоящим мужчиной, а не с семнадцатилетним придурком, который забыл сказать мне о том, что у него порвался презерватив.

– Как твоя голова?

Моего плеча касаются жестковатые губы, живот поглаживает мужская ладонь.

– Просто нужно поспать... – шепчу я, расслабляясь.

Мне нужно поспать и прогнать из своей башки незваного гостя.

Прямо сейчас я себя чувствую защищённой. Марк умеет давать мне это ощущение. С нашего первого свидания.

Я не думала ни о чём серьёзном. Но на следующий день он позвонил сам. А потом его стало так много в моей жизни, что я опомниться не успела. Я даже знакома с его родителями. Мы были у них на барбекю, они живут в области. Мне было дико неловко, потому что меня оценивали, как... как какую-то кобылу. Я была немного зла на Марка за то, что бросил меня с ними один на один на целый час.

Я понимаю, для чего он это сделал, но... именно тогда мне нужна была его поддержка. Осадок от той ситуации до сих пор не рассосался. Понятия не имею, что там надумали обо мне его родители, потому что не спрашивала и не собираюсь.

Его самого не смущает ничего. Ни то, что я приезжая. Ни то, что у меня есть шестилетняя дочь. Когда я созналась в том, что он у меня второй, Марк смотрел на меня как на инопланетянку.

– Ты долго в таком ритме не выдержишь, – прерывает он мои мысли, переворачиваясь на спину.

Тянусь за ним, чтобы прижаться. Прямо сейчас я хочу именно этого. Прижаться к сильному мужскому телу.

– В каком «таком»? – спрашиваю, кладя голову на его плечо.

– Аля, ты взрослая девочка. Не строй дурочку. Прекрасно знаешь, в каком. Мотаться каждые выходные к дочери и работать по десять часов. Скоро морщины появятся, учти.

Я знаю, куда должен вывести этот разговор. Только не сегодня. Мне нужно... всё обдумать. Я не знаю, с кем посоветоваться. С психоаналитиком? Почему... почему у меня не получается его полюбить?

Что мне, чёрт возьми, ещё нужно? Идиотских шуток и побыть однодневной подружкой одного двухметрового кобеля? Может, тогда я успокоюсь?

Закрыв глаза, прошу:

– Давай завтра поговорим.

– Завтра я уезжаю на несколько дней.

– Куда? – приподнявшись, заглядываю в его лицо, которое еле различимо в темноте. – Ты не говорил.

– Я тебя за эти две недели два раза видел. Если хочешь быть в курсе моей жизни, появляйся в ней почаще. А если не хочешь в тридцать выглядеть на сорок, завязывай со своей работой. Я тебя всем обеспечу.

– Мне нравится моя работа... – обхожу опасную тему, потому что не готова к ней!

Он молчит. И я молчу.

Упрямо пытаюсь уснуть, заняв свою половину кровати.

Глава 9

Стук каблучков по кафельному полу оповещает меня о том, что Евдокимова пришла сегодня вовремя. Простая дедукция. Кроме неё завернуть в наш опенспейс на каблучках может только Варвара, мой бизнес-аналитик, но сейчас у неё седьмой месяц беременности, и каблучки её просто не выдержат. У неё там двойня, и скажу честно: это выглядит устрашающе.

Моё настроение резко меняет плюс на минус, потому что за стеклом кабинетной стены вижу Алевтину в том же самом платье, которое вчера напрочь снесло мне мозг. И эта деталь просто орёт о том, что она не ночевала сегодня дома.

Сжимая и разжимая кулак, впираюсь глазами в её затылок. Вытянув под столом ноги и съехав в кресле, мрачно слежу за тем, как подходит к своему столу.

Я не знаю, чего ожидал.

Моё вчерашнее поведение – микс из прихоти и хладнокровной решимости. Знаю, что всё это нам ни к чему. Я не дебил. Работу вместе никто не отменял. Но она сама хоть видит, как на меня смотрит? Я, блин, на неё просто чихнул, а мы с ней завелись так, что самому страшно.

У неё в пупке серёжка. Что-то очень маленькое. Живот плоский, но мягкий. Я чувствовал, как её тело отозвалось на меня. Такое не почувствовать нельзя. Возбуждение стрелой долбит в пах. Опускаю руку и поправляю джинсы.

Кладёт сумку на пол и склоняется над ноутбуком, который я приготовил ей для работы. Вчера она забила на него, бросив в моей машине. Злая и возбуждённая. Её мужик в курсе, что она уже мокрая к нему пришла?

Этот факт дико бесит.

Сегодня бело-рыжие волосы собраны в аккуратный пучок, открывая шею и плечи. На спине квадратный вырез до самых лопаток. Шпильки её ногам идут. Так идут, что я чувствую себя пубертатным малолеткой. Потому что она в этом платье как голая. Тело у неё подтянутое, но ничего сверхособенного. Просто, блин, всё на своём месте. Я вижу очертания груди и ягодиц. Но я ни фи́га не вижу очертаний её белья. Оно на ней вообще есть? Это ещё больше раздражает, потому что мне хочется встать, подойти и проверить руками.

Сняв с клавиатуры жёлтый стикер, читает. Медленно поворачивает голову и смотрит на меня через плечо. Пристально, будто разделявает на куски. Откинув голову на спинку кресла, буравлю её в ответ. Пробегается глазами по моим плечам и по всему остальному. Резко отвернувшись, клеит стикер на монитор и усаживается, сбросив туфли.

На экране моего компьютера всплывает окно корпоративного чата. Кликаю по нему, не меняя позы.

Алевтина Д Евдокимова: *«Спасибо за подсказку. Ты сегодня очень добрый.»*

Я ни фи́га не добрый. Я её босс.

Я: *«Следи за сроками. Этот код нужно добить к концу недели.»*

Алевтина Д Евдокимова: *«Хорошо.»*

Я знаю: когда она впряжена в работу, лучшей ей не мешать. Может прилететь тапком или степлером, но, разумеется, не мне. Решаю оставить её в покое и заняться своими делами.

В полдень отправляюсь на совещание, бросив на неё быстрый взгляд. Подавшись вперёд, пытается мониторы, стуча по клавишам.

Вернувшись с обеда, застаю её всё в той же позе, только теперь в её полуразвороченном пучке торчит зелёный карандаш.

– Как дела? – бросаю на ходу.

– Всё нормально, – хрипло отвечает, не отрывая глаз от монитора.

Ага, конечно.

Раскидав задачи по миньонам, подключаюсь к её компу, чтобы посмотреть, как продвигается работа. Она в курсе того, что я смотрю, поэтому курсор замирает, мигая на оборванной строке. Изучаю эту строку и все предыдущие. Её понесло не туда, поэтому сношу половину и отключаюсь. Этот код у меня давно написан, но в другой интерпретации. Со своим она возится слишком долго, а у нас поджимают сроки. Я давно заметил, что она долго раскачивается, но в этот раз нет времени.

Открываю чат, чтобы вызвать её к себе, но сам себя и стопорю. Пусть работает и учится на своих ошибках.

В полдевятого вечера, выйдя от своего руководителя, возвращаюсь в офис и застаю её опустившей лицо в ладони. Пучок окончательно разрушен. Выглядит так, будто рвала на себе волосы. Вздрагивает, подняв голову, и смотрит на меня покрасневшими от работы глазами. Прячет их, снова опуская лицо в ладони.

Положив руки на бёдра и вздохнув, осматриваю опустевший офис.

Так. Ладно.

– Сворачивайся, – киваю на мониторы. – Хватит на сегодня.

– Я ещё не закончила, – упрямо смотрит в экран ноутбука.

– У тебя работоспособность сейчас нулевая. Завтра продолжишь.

Молчит, поджав губы.

– Заканчивай, – повторяю я.

Вяло достаёт сумку из-под стола, расстроенная и подавленная. Я заходил к ней ещё пару раз, и там конь не валялся. Не знаю, что с ней сегодня такое, но это не работа. Так не пойдёт.

– Поехали, поедим, – заявляю безапелляционно. – Возьми ручку и блокнот.

Послушно кивает, засовывая ноутбук в сумку.

– Ноутбук оставь.

Опять кивает.

Хочу приподнять её лицо за подбородок, но держу руки при себе.

– Аль, ты учишься и зарабатываешь опыт. Я свой первый код писал два месяца.

– И сколько тебе было лет? – Взяв в руки туфли, надвигает их по очереди.

– Пятнадцать, – вру, не моргнув глазом, прибавляя два года.

Наконец-то смотрит на меня.

Кусает губу, терзаясь.

А потом улыбается, широко и устало. Заправляет за уши растрёпанные волосы и доверительно спрашивает:

– Ты что, был компьютерным задротом?

Был.

– Ручку и блокнот, – напоминаю, пряча улыбку и идя к себе, чтобы взять ключи от машины.

Глава 10

Ника с тусовки у Богомолова в апреле: *«Привет, заберёшь? Освободилась.»*

Следом сообщение с её геолокацией. Недалеко.

– Вам с собой? – интересуется повар в колпаке с эмблемой в виде дебильноватой усатой шаурмы.

– Нет, – отвечаю, набирая Нике.

Я: *«На этой неделе аврал, давай в другой раз.»*

Обернувшись через плечо, смотрю на Алю, сидящую на высоком барном стуле за маленьким круглым столом у панорамного окна. Поставив на столешницу локоть и задумчиво глядя вдаль, покачивает ногой.

Печальная, как народная баллада.

Ника с тусовки у Богомолова в апреле: *«А как же отдых? Отдыхать ведь тоже надо!»*

Смущённый смайлик намекает на то, что она не прочь поболтать. Даже если не брать в расчет, что болтовня в мессенджерах мой нелюбимый способ коммуникации, это всё равно не ко мне.

Я: *«За рулём. Появится время, наберу тебя.»*

Ника с тусовки у Богомолова в апреле: *«Я на следующей неделе, возможно, уеду. Но это ещё не точно.»*

Не дочитав, блокирую телефон и забираю поднос с заказом.

Место не первый класс, но мне показалось, что тащить её в какой-то ресторан сейчас – не лучшая идея. У неё явно дерьмовый день. Не припомню, чтобы когда-нибудь видел её такой.

Опустив на стол поднос, достаю из заднего кармана ключи от машины и кладу рядом с телефоном, поглядывая на заинтересованное лицо Алевтины.

Ей идёт это имя. Я не проверял, но, скорее всего, оно означает что-то подобное: маленький точёный подбородок, правильные розовые губы и вечно сосредоточенные настырные голубые глаза. Вот кому расслабляться сам Гиппократ прописал. Я готов помочь, забив на некоторые принципы. Пусть только попросит.

– Шаурма? – поднимает глаза, изучая моё лицо в ответ.

Я уж не знаю, что конкретно меня в ней притягивает: форма носа, или образ мышления – но прямо сейчас я думаю о том, что хочу её поцеловать. Просто наклониться и поужинать, блин, её губами. Пососать их вместе с её языком и дать ей свой, чтобы сделала то же самое. Думаю, нам обоим офигительно понравится.

Мы не в офисе. А раз мы не в офисе, нам можно всё.

Покрытая веснушками шея вздрагивает, потому что она сглотнула. Потому что я не скрываю того, о чём сейчас думаю. Мужiku сложно скрываться, когда у него стоит. Если сейчас сделаю то, о чём думаю, последствия будут необратимыми. Если она продолжит так на меня смотреть, я это сделаю.

Рвано вдохнув, отворачивается к подносу.

– Не нравится? – спрашиваю, отодвигая для себя стул. – Хочешь, пойдём в другое место.

– Нет, – трясёт головой, – я с голоду умираю. Ещё одного поиска парковки могу не пережить.

Втискиваюсь на край стула, упираясь кроссовками в пол. Дверь в кафе открыта настежь. Внутри свежо и комфортно, на улице то же самое.

– Эти стулья не для тебя, – улыбается Аля, бросив взгляд на мои ноги.

– Как и столы. – Пытаюсь устроить их так, чтобы не снести к фигам столешницу.

Наблюдает, прикусив губу.

– Ты занимался борьбой? – Двигает поднос к себе, поглядывая на меня.

Берёт кофе и бумажный пакет с шаурмой, разворачивая его.

– Да, с десяти до пятнадцати. – Отпивая из своего стакана, смотрю на вечерний проспект.

– Почему бросил?

– «Компьютерный задрот», – напоминаю.

– А-а-а-а, предпочитаешь интеллектуальный труд? – фыркает она.

– На самом деле мне не хватило роста, – признаюсь я.

Алевтина давится кофе. Лениво улыбаюсь, поясняя:

– Я начал активно расти после шестнадцати.

Её глаза медленно скользят по моему телу. Вниз, потом вверх. Облизнув губы, тихо спрашивает:

– Ты до сих пор в процессе?

Ловлю её взгляд своим, хрипловато говоря:

– Время от времени.

Я в процессе прямо сейчас.

Швырнув в меня салфетку, прячет улыбку и глаза.

– Дурак... – бормочет, принимаясь за еду.

Усмехаюсь, зажав в зубах стакан. Разрываю свой пакет, скосив на неё глаза. Смотрю на то, как пытается есть здоровенную хреновину аккуратно. Поставив стакан, смеюсь и сам кусаю. Соус брызжет во все стороны.

– Там не было моего размера? – возмущается.

Всё же откусив немного, вытирает салфеткой подбородок, и я опять на ней залипаю. Если бы я ходил на свидания, это определенно было бы чем-то вроде этого.

– «Дамского» размера шаурмы? – уточняю, продолжая спокойно жевать.

– Не гигантского.

– Это стандарт.

Закатывает глаза и смеётся.

– Если я её всю съем, то не дойду до машины.

– Я тебя отнесу, – успокаиваю. – Могу и до квартиры отнести...

Чёрт.

Смотрю на неё исподлобья. Потому что – да. Это предложение.

Её улыбка тает. Проглотив кусок, смотрит в окно.

Хочу её потрогать просто до долбаного тремора. Вроде не март, но со вчерашнего дня меня плющит на двенадцать баллов. Из-за серёжки в её пупке в том числе. Я хочу её увидеть, как и всё остальное.

Давай, соглашайся. Разберёмся в этом бардаке как-нибудь потом.

Мой телефон оживает. Экран закрывает фотка, запечатлевшая стройную полуголую задницу в коротких кожаных шортах. Эту фотку я сделал сам. Пару месяцев назад.

Твою мать.

Кира подруга Макса Н.

Быстро переворачиваю телефон, но разрушительный эффект уже произведён.

– Тебе что, сегодня не с кем покувыркаться? – хрипло спрашивает Аля, роняя свою шаурму на поднос и дёргано вытирая пальцы салфеткой. Хватает из этой кучи пластинку жвачки и заталкивает в рот, жуя так, что по скулам носятся желваки.

– Я же не спрашиваю, где ты сегодня ночевала, – отрезаю, шмякнув свою шаурму на пластиковую тарелку.

Смотрит на меня, приоткрыв рот от возмущения. Согласен, я, типа, в край оборзевший, но, сука, назад слова уже не заберёшь.

– Ещё бы ты спрашивал! – выкрикивает, прыгивая со стула. – Это не твоё дело!

– Уверена? – Подаюсь вперёд, закинув локоть на стойку.

Быстро тяну руку и касаюсь большим пальцем уголка её губ. Вздрагивает, но не отстраняется. Замирает, хлопая глазами, пока убираю оттуда каплю острого соуса. Глядя ей в глаза, отправляю палец себе в рот.

– Только попробуй сделать так ещё раз... – выдыхает, краснея до кончиков ушей.

Забив на всё, выбрасываю руку и обхватываю её талию. Тяну к себе. Прижимаю, поставив между своих ног. Она пошатывается на своих шпильках, идеально вписываясь в меня. Каждый, блин, сантиметром своего тела! По инерции, которой я не оставил выбора, обнимает мои плечи, ткнувшись носом в мою шею.

От кайфа закрываю глаза.

Не дышим.

Провожу носом по её шее. Нежно целую и глажу тонкую кожу.

– А так можно? – шепчу, целую за ушком и с шумом вдыхая.

Пахнет охренительно. Это я уже и так знаю.

Её колотит. Меня тоже. Кладу вторую руку на её задницу, накрывая полностью. Вжимаю в себя так, чтобы почувствовала, как сильно я её хочу. Впивается пальцами в мои плечи. Кажется, её ноги не держат.

Твою мать!

Раздумываю ровно секунду. Боднув её шею носом, втягиваю в рот кожу, посасывая и лаская.

– М-м-м... а-а-а-а-а... – стонет в потолок, повисая на мне.

– А так... тоже не делать? – хриплю, жадно лизнув идеальный засос, который на её светлой коже выглядит как яблочко в дартсе.

Замирает.

– Блин! – реву, получив шпилькой прямо по среднему пальцу ноги.

Разжимаю руки, морщась от второго залпа. Отскакивает от меня, схватившись за шею рукой. На лице шок и неверие.

Тряся ногой, смотрю на её грудь, потому что чувствовал её соски даже через футболку.

Приоткрыв рот, громко дышит, на глазах становясь бешеной.

Пах скручивает так, что хватаюсь за ширинку.

– Ты совсем охренел?! – орёт, срывая со стола сумку и продолжая прикрывать засос ладонью, будто это чем-то поможет.

В следующее мгновение щеку обжигает хлесткий удар. Продолжаю прикрывать пах, боясь за своих будущих потомков.

– Козёл! – Швыряет в меня салфетницей. – Придурок!

Уворачиваюсь, прикрыв голову.

Уносится из кафе, зло впечатывая острые шпильки в линолеум.

– Не повезло, братан, – резюмирует голос с кавказским акцентом.

– Не то слово... – хриплю я, глядя ей вслед.

Глава 11

Телефон вибрирует в заднем кармане джинсов именно в тот момент, когда ступаю на первую ступеньку эскалатора метро.

– Да, мам?

Вариантов того, кто может набрать мне в семь утра пятницы, – два.

Это моя мать и мой кретин-босс.

– Всё нормально? Я в метро... – говорю, поправляя висящую на плече дорожную сумку.

Я опять спала отвратительно.

Мои смарт-часы говорят о том, что я не спала вообще.

Настроение у меня – дерьмо, дерьмо, дерьмо.

У меня дома закончился кофе, а купить его не было времени. У меня дома и еды нет. Своего дома у меня тоже нет. Я могла бы развивать эту мысль до бесконечности в соответствии с вышеозвученным настроением, но сейчас мне нужно направить свои мысленные потоки в другое русло!

Вчера я забыла ответить на сообщения Тыковки, и сознательно не ответила на звонок от Марка.

Я не брала трубку от Марка, потому что была в бешенстве.

В таком, что меня на куски разрывало.

А когда пришла в себя более-менее, позвонила ему сама. Чтобы каким-нибудь образом узнать, когда он возвращается. Он в Таиланде. Там у него друг, у которого день рождения. И он не предложил поехать с ним, потому что... ах, да! Из-за моей работы!

Он не взял трубку и не перезвонил.

Находясь в предревмевейшем настроении, я решила не обрывать его телефон.

Не помню, когда в последний раз испытывала злость и возбуждение одновременно. Ах, нет. Помню. Никогда до вчерашнего вечера! И это шокирующе чокнутый эффект! Настолько, что я всю ночь мучилась им. Долбаным возбуждением!

В пять утра, забив на сон, взялась за работу. С как никогда ясной головой.

Потираю шею в том месте, где вчера орудовал наглый, беспринципный рот Орлова. Мне потребовалась семь минут драгоценного времени и половина карандаша-консилера, чтобы замазать этот рот на своей шее. Там у меня «кричащий»... Нет, «орущий» засос!

Идиот! Кретин!

– Алевтина, ТЫ меня вообще слушаешь? – возмущённо спрашивает мама.

– Слушаю...

Пытаясь не словить лицом дверь на выходе из метро, выбираюсь на прохладный утренний воздух.

– Опять в облаках витаешь? – делает она свои выводы. – Я говорю: у Поповых дочь замуж за голландца вышла!

– Поздравляю Катю, – произношу на автомате, надевая на нос солнечные очки.

– Да уж. Повезло, – хмыкает она. – А у Зайцевых за голодранца девятнадцати лет, куда только родители смотрели?!

Восстанавливая в голове всех известных мне Зайцевых, вздыхаю:

– У них любовь, мам...

Дочь Зайцевых... вышла замуж за Макса Немцева. Всё, что я знаю об этом парне: он умный и прошаренный настолько, что я себя чувствую неполноценной. Если он и голодранец, то это ненадолго. Из всех известных мне людей умнее его только Орлов, этот кретин недоделанный!

– Любовь! Ой, я тебя умоляю, – иронизирует она. – В браке главное: чтобы *тебя* любили. И чтобы деньги были, а то любовь быстро уйдёт.

Подобные рассуждения из её уст всегда пробуждают во мне неконтролируемый агрессивный протест. А слушаю я их с тех пор, как, блин, научилась слышать.

– Что-то ты своей философией жизненной не пользовалась, – говорю, прикладывая пропуск на КПП.

Мама родила меня в двадцать один. У них с моим отцом была любовь до моего трёхлетия, а потом – да, закончилась. Сейчас у него трое детей от другого брака, я его уже пару лет не видела и не слышала. Видимо, всё не так просто, раз она костерит его спустя двадцать один год. Я понимаю мамину обиду, но в последнее время не попадаю в её логику, хотя она вбивает её в меня неустанно.

– Дура была, – цокает она. – Учись на моих ошибках, а не на своих! И помни, мать тебе плохого не посоветует. Будь умнее! В жизни только так и нужно.

Мой внутренний протест ширится. Каждый раз, когда она включает эту шарманку, мне хочется заткнуть уши. Потому что я не верю в то, что так должно быть. Это не нормально. Уродливо. Разве это семья? Я не знаю. Не знаю, как у других. Может, она права, а я нет...

– Я тебе вчера звонила. Где ты была? Аля, не вздумай изменять Марку. Будешь потом локти кусать!

Меня бесит! Бесит её циничное отношение ко всему подряд. К людям и их поступкам. У неё все изменяют. Все с гнилыми мотивами, и я в том числе.

– Я работала, – злюсь, выходя из лифта.

О том, как я вчера «работала», не расскажу ей никогда и ни за что. Снова трогаю кончиками пальцев свою шею.

– Работала ты, смотри мне, – грозит она.

– Дома поговорим, – отрезаю, начиная психовать. – Приеду в десять.

На свете нет второго человека, который выводил бы меня из себя так, как моя мать. Прежде всего потому, что она не слышит никого, кроме себя. Просто не в состоянии постичь отличную от своей логику. Каждый раз, когда я пытаюсь спорить, это заканчивается скандалом, после которого я долго прихожу в себя, а она спокойно идёт мыть посуду.

Войдя в пустой офис, швыряю на пол сумку и запихиваю её ногой под стол.

Упав в кресло, быстро грузу комп и захожу в почту.

На часах половина восьмого утра, но я знаю, как быстро сжирается время, когда у тебя поджимают сроки.

Надев очки, запускаю тестирование своего кода, который пришёл мне сегодня в пять утра как озарение. Плечусь на корпоративную кухню и включаю кофемашину. Кроме меня и уборщиц пока никого нет, и это то, что мне сегодня нужно.

К половине десятого утра я так ухожу в процесс, что не замечаю прихода Орлова. А когда вижу его в прозрачном кабинете, поджимаю пальцы в кроссовках.

Мудак сидит, развалившись в своём кресле. В больших красных наушниках, футболке и джинсах. Внимательно слушая своё долбаное видео-конференц-совещание, в то время когда я должна думать, как объяснить Марку грёбанный засос в половину моей шеи!

Если бы он не уехал...

Я даже не знаю, когда он возвращается!

Что, если завтра?

Как, как я это объясню?! Я шла и случайно наткнулась на рот своего безмозглого босса?

Не хочу его видеть. Безответственная скотина, вот он кто. Думает только о себе и своих похотливых желаниях.

Отвернувшись, снова принимаюсь за работу.

Станислав М Орлов: *«В офисе только работа. Мне нужна твоя статистика за прошлый месяц и сертификат с курсов по программированию. Прямо сейчас.»*

– Прямо сейчас, – цежу себе под нос, открывая папку с документами.

Отправляю всё, что нужно, никак не комментируя эту «рабочую» хренотень, и иду на кухню сделать ещё кофе.

Дверь за моей спиной хлопает. Не реагируя, достаю из волос карандаш, быстро записывая на салфетке решение последней ошибки.

– Успеваешь?

Не хочу его видеть.

Странно, что он не влез и не посмотрел сам. Хотя я благодарна ему за эти вмешательства, чтоб он провалился.

– Да, – говорю, не поворачивая головы. – Сегодня закончу. Либо в офисе, либо в поезде.

– Хорошо. Крайний срок – понедельник до обеда.

– Я поняла.

Дверь хлопает, оповещая о том, что Орлов оставил меня одну.

Вернувшись на своё место, проверяю телефон. В мессенджере меня ждёт фотография обедающей арбузом Тони. У неё на макушке пальма из разноцветных резинок, лицо чумазое и счастливое.

Она счастливая...

Я её неделями не вижу...

Это оказалось сложнее, чем я думала.

Закинув фотку себе на почту, меняю заставку, понимая: всё, чего я хочу сейчас, – это увидеть и обнять свою дочь, хотя бы на два дня забыв обо всех мужиках мира!

Глава 12

– Да! Я кругом плохая! – переходя на слёзы, причитает над моей головой. – Плохая мать! Потому что не хочу, чтобы ты застряла тут до старости одна с ребёнком!

– Я говорила, что ты плохая мать?! – не выдерживаю, переходя на истеричный крик.

Пытаюсь вдеть дрожащими пальцами кожаный язычок в застёжку сандалии, упёршись коленом в линолеум.

Не слыша меня, продолжает извергать свои бесконечные, сводящие с ума мысли:

– Я тебя всю жизнь одна тянула, знаешь, как тяжело одной с ребёнком? Мне сорок шесть, а я уже как старуха! Я для тебя лучшего хочу! Думаешь, тебя с руками и ногами заберут? С ребёнком?

Вцепившаяся в свой розовый рюкзак Тоня смотрит на нас округлившимися от паники глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.